

JEL classification: N54, P32, Q13
УДК 94(571.53)
DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(3).485-504

Г.А. Цыкунов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Производственная деятельность сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии в 1920-е гг.

Аннотация. Рассматриваются вопросы организации и производственной деятельности сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии в восстановительный период. Дается сравнительная характеристика коммун с другими формами коллективных хозяйств. Вскрываются политические, социально-экономические, психологические причины организации коммун, отмечается преобладание экономических мотивов при создании коллективных хозяйств. Исследуются уставы сельскохозяйственных коммун, определяющие организационно-правовые основы их создания и деятельности, руководящие органы, права и обязанности коммунаров, социальный состав. Основное внимание уделяется проблемам производственной деятельности. Особо подчеркивается, что большинство коммун являлись натуральными хозяйствами, о чем свидетельствуют приведенные примеры внутреннего потребления произведенной продукции. Проанализированы проблемы распределения материальных благ, которые в основном сводились к уравнительному распределению. Раскрываются внутренние причины перехода от уравниловки к принципам материальной заинтересованности, учитывающей количество и качество затраченного труда. Отмечаются все сложности введения сдельной оплаты труда в коммунах, которая сопровождалась имущественным расслоением внутри коллектива. Показаны внутренние конфликты в коллективах, сопровождающиеся распространением психологии частника, что приводило к ликвидации хозяйств. Осо-

бо отмечаются производственные успехи коммун, их влияние на местное население. В заключении определяется значение коммун как явления переходного периода в истории.

Ключевые слова. Иркутская губерния, сельскохозяйственные коммуны, сельское хозяйство, уставы, производственная деятельность, распределение, уравниловка, материальная заинтересованность, сдельная оплата труда.

Информация о статье. Дата поступления 4 августа 2024 г.; дата принятия к печати 24 сентября 2024 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2024 г.

G.A. Tsykunov

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

Production Activities of Agricultural Communes of the Irkutsk Province in the 1920s

Abstract. The paper examines the organization and production activities of agricultural communes in the Irkutsk Province during the recovery period. A comparative analysis is provided between communes and other forms of collective farming. The study reveals political, socio-economic, and psychological factors contributing to the establishment of communes, with particular emphasis on economic motivations driving the creation of collective farms. The statutes of agricultural communes, which define the organizational and legal framework for their creation and operation, as well as the governing bodies, rights and obligations of commune members, and social composition, are explored. Special attention is given to the production activities of the communes, highlighting that most of them operated as subsistence farms, as evidenced by examples of internal consumption of the produced goods. The paper analyzes issues related to the distribution of material goods, which were primarily based on egalitarian principles. Internal reasons for the transition from egalitarian distribution to the principles of material incentives, which took into account the quantity

and quality of labor expended, are discussed. The difficulties of introducing piece-rate wages in the communes, which led to wealth stratification within the collective, are noted. Internal conflicts within the collectives, driven by the spread of private ownership psychology, resulting in the dissolution of the farms, are also highlighted. The communes' production successes and their influence on the local population are particularly emphasized. In conclusion, the significance of communes as a phenomenon of the transitional period in history is determined.

Keywords. Irkutsk Province, agricultural communes, agriculture, statutes, production activities, distribution, egalitarianism, material incentives, piece-rate wages.

Article info. Received August 04, 2024; accepted September 24, 2024; available online September 30, 2024.

В современной историографии советский опыт государственного и социально-экономического строительства подвергается серьезной, порой необоснованной критике. В России утвердилась историческая закономерность, при которой замена одного общественно-политического строя другим сопровождается забвением прежних порядков и устоев, которые не находят применения в новых реалиях. К подобному явлению можно отнести проблему коллективных форм собственности и организации труда в так называемый период социалистической реконструкции.

Следует признать, что Советская Россия в основу своих преобразований положила идею о справедливом обществе, которая была воспринята большинством слоев населения, стремившегося окончательно покончить с богатством и бедностью. В городах и в селах возникали различные коллективные объединения, в которых решались вопросы обобществления имущества, организации труда и быта их членов. Возникновению новых форм коллективной организации хозяйства на селе способствовал многовековой общинный характер трудовой и жизненной деятельности крестьянства. К новым формам

сельскохозяйственной кооперации относились: товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), сельскохозяйственные артели и сельскохозяйственные коммуны. С данными сельскохозяйственными объединениями связывались крестьянские представления о продолжении прежних традиций сельской общины. В первое десятилетие советской власти из данных форм коллективных хозяйств выделялись сельскохозяйственные коммуны, которые стали наглядным примером внедрения коммунистических начал в советском обществе. В связи с этим сельскохозяйственные коммуны прошли наиболее сложный диалектически противоречивый путь своего развития.

Главной отличительной чертой сельскохозяйственных коммун от других форм кооперации являлся высокий уровень обобществления не только средств производства, организации труда и реализации продукции, но и личного имущества крестьян. Все это говорило о предназначении коммун, прежде всего для беднейшего крестьянства, оказавшегося в тяжелом материальном положении после революционного лихолетья и гражданской войны.

Созданная в 1920 г. Иркутским губернским комитетом РКП(б) комиссия по оказанию помощи населению, пострадавшему от колчаковщины, установила, что только в Черемховском уезде было разорено 24,9 % крестьянских хозяйств, в Балаганском — 36,5 %, в Нижнеудинском — 43,5 %, а всего по губернии в обследуемых волостях было разрушено 24,4 % крестьянских хозяйств [1, с. 7]. Поэтому скорейшее преодоление сельскохозяйственной разрухи предопределило создание крестьянами различных коллективных хозяйств. По данным Сибземотдела на октябрь 1920 г. по сибирским губерниям насчитывалось 424 коллективных хозяйства, из них — 207 сельскохозяйственных коммун, по Иркутской губернии соответственно — 46

и 30¹. Для руководства сельским хозяйствам иркутской губернии был создан Губернский земельный отдел (губземотдел), а в уездах — уездные земельные отделы (уземотделы), в аймаках — айземотделы. В губземотделе и при каждом уземотделе были созданы отделения по обобществлению сельского хозяйства, которые непосредственно руководили работой по созданию и контролю деятельности коллективных хозяйств.

Причинами организации сельскохозяйственных коммун являлись идеологические и экономические мотивы населения. Первой мотивацией были подвержены члены большевистской партии, сторонники социалистической идеи, бывшие бойцы Красной армии. Однако на практике преобладали все же экономические мотивы — ликвидировать нищету, увеличить производство сельскохозяйственной продукции, поднять уровень жизни на селе. Красноярский исследователь аграрной истории В.В. Гришаев приводит интересные данные из анкетирования коммунаров Забайкальской губернии в 1921 г. На вопрос о причинах, побудивших крестьян к организации коммун, были названы: желание организованно вести хозяйство; повысить производительность труда; выйти из кулацкой кабалы и поставить жизнь на новые начала; ускорить работу и не быть одиночками. А на втором месте оказались мотивы идеологического характера: скорейшего достижения братства и равенства; сочувствия учению коммунизма; победы над капитализмом [2, с. 20].

При создании сельскохозяйственных коммун требовалось решение труднейшей задачи по организационно-правовому оформлению коллективов — разработка и принятие уставов коммун. Следует отметить, что в первые годы советской власти процессы народного правотворчества охватили широкие массы насе-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 199. Л. 78.

ления, когда в уездах, волостях, селах разрабатывались различные конституции, уставы, положения, устанавливающие порядок функционирования территорий и хозяйственных организаций. Анализ уставов сельскохозяйственных коммун Иркутского, Черемховского, Балаганского, Тулунского уездов Иркутской губернии позволяет сделать вывод о назначении этих коллективов, о правах и обязанностях коммунаров, о руководящих органах, организации труда и реализации произведенной продукции. В уставах отмечался главный источник доходов, состоящий из всего имущества коммунаров, передаваемого в общее пользование: земли, движимого и недвижимого имущества, денежных средств и т.д. К примеру, в уставе коммуны «Красная звезда» Тулунского уезда указывалось: «Все в коммуне принадлежит всем, никто не может назвать своим, кроме предметов личного потребления: нижняя и верхняя одежда, постельные принадлежности»². Предусматривалось положение о выходе из коммуны, когда выбывающий из нее имел право получить примерно 75 % стоимости внесенного имущества и земельный участок.

Во всех уставах коммун закреплялось положение об органах управления этих коллективов. Общее собрание признавалось высшим законодательным органом, которое решало вопросы приема и исключения членов коммуны, установления порядка ведения хозяйства, организации внутренней жизни коллектива. Исполнительным органом являлся совет коммуны, руководивший всеми делами хозяйства. Заведующий коммуной являлся руководителем коллектива, избираемым сроком от одного года до трех лет. Социальный состав коммун, несмотря на высокую долю бедняцких слоев, был представлен и другими группами. В 1920 г. классовый состав сельскохозяйственных коммун Сибири характеризовался следующими дан-

² ГАИО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 700. Л. 6 об.

ными: бедняки — 52,3 %, середняки — 21,4 %, батраки — 22,1 %, рабочие и служащие — 4,2 %³. Заметное присутствие в сельскохозяйственных коммунах крестьян-середняков объясняется их личными мотивами: скрытие имущества от реквизиции, уклонение от продразверстки. В первой половине 1920-х гг. в Верхотенском уезде действовала единственная из всех коммуна «Пионер», организованная в основном середняками для спасения своего имущества. Однако с переходом к нэпу приток середняков значительно сократился. Говоря о социальном составе коммун, нельзя не отметить такого факта как наличие в составе коммун переселенцев из западных губерний в годы Столыпинской реформы. Крестьяне-переселенцы были значительно беднее, чем сторожилы, но были более склонны к ведению коллективного хозяйства. Об этом свидетельствуют акты обследования коммун, проведенные Губземотделом.

Важнейшим направлением в деятельности сельскохозяйственных коммун являлись вопросы организации производственной деятельности. Важно признать, что в экономическом отношении большинство коммун являлись натуральными хозяйствами, когда большая часть произведенной продукции уходила для внутреннего потребления. Отсутствие опыта коллективного хозяйства крайне отрицательно сказывалось на организации производства, на выборе основного направления хозяйственной деятельности. В материалах обследования в 1921 г. коммуны «Крыловская» Черемховского уезда отмечалось неумелое ведение хозяйства: «В коммуне нет никакой системы полеводства, земля распахана полосами в лесу. О кормлении скота никто не имеет малейшего представления, в результате чего, молока от десяти коров не хватает даже детям. Энергия и желание у коммунаров есть, а умения и знаний нет. Необходимо составить производ-

³ Жизнь Сибири. 1929. № 5. С. 79.

ственный план хозяйства, сделать расчеты посевных площадей и продуктивности скота»⁴.

В связи с подобным положением в коммунах шла экспериментальная работа по образованию коллективной формы производства. Так, разработанный хозяйственно-организационный план коммуны «Пахарь» Киренского уезда предусматривал, прежде всего, развитие основных отраслей хозяйства: хлебопашества, скотоводства, огородничества. План определял размеры пахотных земель для занятия той или иной культурой, тягловую силу и сельхозинвентарь, затем указывалась рабочая сила, необходимая для обработки земельных угодий, количество семян для засева отмеченных площадей. В заключение делались подсчеты рабочей силы, которые исходили из количества затрачиваемой на обработку одной десятины земли, выработанной для каждой из сельскохозяйственных культур. Это были первые попытки создания настоящего годового плана развития хозяйства с учетом перспективы на будущее. Установление продолжительности рабочего дня зависело от времени года, условий работы, возраста людей. В период уборки урожая в большинстве коммун рабочий день составлял 10–12 часов.

Одной из основных проблем в налаживании хозяйственной деятельности сельскохозяйственных коммун являлось получение и нормативное закрепление земельных участков для коллективов. Решение данного вопроса осложнялось особенностями землепользования в Иркутской области, где преобладало наделное обустройство и пользование землей. В этом случае требовалось объединение небольших крестьянских наделов в коллективные земельные угодья. Серьезным препятствием для этого было отсутствие земельных участков, пригодных для ведения коллективного сельского хозяйства, а также волокита регистрации

⁴ ГАИО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 195. Л. 38.

в Губземотделе. В ходе землеотведения начинались раздоры между коммунарами и местными крестьянами-единоличниками, грозящие стать очагом местной классовой борьбы. Ряд коммун после отвода им земельных участков вынуждены были переезжать всем хозяйством на новые необжитые места. Согласно печатным изданиям в среднем на одного едока в сельскохозяйственных коммунах приходилось 5,7 десятин. В действительности же этот показатель в коммунах был различным. К примеру, в Нижнеудинском уезде в коммуне «Сила» на одного едока приходилось около 26 десятин земли, тогда как в коммуне «Новая жизнь» — всего около 6 десятин⁵.

В начале 1920-х гг. сельскохозяйственные коммуны Иркутской губернии в экономическом отношении (посевная площадь, произведенная продукция) заметно преобладали над другими формами кооперации: сельскохозяйственными артелями, совхозами. О социальном составе, материально-технической базе коммун можно судить по показателям коллектива «Идеал» Черемховского уезда, считавшегося одним из лучших в Иркутской губернии. В 1921 г. в этой коммуне насчитывалось 104 человека, из них трудоспособных — 39, нетрудоспособных — 4, детей — 61. Животноводство состояло из 24 лошадей и 47 коров, насчитывалось 22 единицы сельскохозяйственных орудий. В целом по всем коммунам губернии средняя численность коллективов колебалась в пределах 40 человек. В 1921 г. в губернии насчитывалось 26 коммун, объединяющих в своих рядах 1 346 едоков и имевших 5 646 десятин земли. Одновременно действовало 13 сельскохозяйственных артелей с численностью 542 человека, с общей площадью земли в 4 197 десятин. Следует отметить, что коммуны в количественном отношении вдвое превосходили сельхозартели, но по площади име-

⁵ Красный пахарь. 1921. 9 апр. (№ 2).

ющихся земель на душу населения более чем вдвое уступали им⁶.

Примерами организации производственной деятельности в коммунах могут служить введение счетоводства и отчетности в коллективе, которые сводились к двум видам операций: приходности и расходности. Для этого требовалось введение трех книг: кассовой книги, книги записей продуктов и материалов, рабочего журнала. Однако на практике вместо указанных книг все записи делались на отдельных листах, что создавало неразбериху в делопроизводстве. Согласно архивным данным, во всех коммунах велись реестры рабочего и продуктивного скота, мертвого инвентаря, земельных угодий. Журнал учета работы как таковой не велся и ограничивался лишь устными распоряжениями. Следует признать, что вопросы счетоводства и отчетности были одними из слабых мест в сельскохозяйственных коммунах в 1920–1921 гг. Отчасти это объясняется отсутствием соответствующих специалистов, наличия бумаги для ведения необходимой отчетности.

Об отнесении большинства сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии к натуральным хозяйствам свидетельствует тот факт, что большая часть произведенной продукции предназначалась для внутреннего потребления. К примеру, в коммуне «Пахарь» Киренского уезда собранная в 1922 г. пшеница была распределена следующим образом: собственное потребление за год 300 пудов (50 %), расход на воспроизводство 100 пудов (17 %), оплата натурального налога 60 пудов (10 %)⁷. Поэтому учитывая, что основной доход коммуны получали от продажи своей продукции, доля которой была незначительной, то материальная база коллективов была слабой. Отсутствие товарно-денежных отношений не позволяло коммунам

⁶ ГАИО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 121. Л. 223, 225.

⁷ Там же. Д. 563. Л. 60.

получать новые кредиты, расплачиваться с долгами и переходить к товарному производству.

Сложнейшей проблемой во внутренней жизни коммун являлось распределение доходов и других благ. В уставах некоторых коммун предусматривалось такое положение, при котором никто из членов коллектива не мог получить за свой труд в пределах своего хозяйства особого вознаграждения ни продуктами, ни деньгами, кроме удовлетворения его потребностей наравне со всеми. Крайняя нужда, недостаток средств труда и предметов потребления, равноправие всех в труде и его оплате приводили фактически к уравнительному распределению. Оно утверждалось по принципу «от каждого по его силам и способностям, каждому по его потребностям» — так было записано во всех уставах коммун [3, с. 220]. На практике распределение доходов в коммунах определялось потребностями ее членов, количеством едоков, по внесенному паю коммунарами.

Переход к нэпу создал новые законодательные и организационно-хозяйственные условия для функционирования сельскохозяйственных коммун. Уравнительный способ распределения доходов становился серьезным препятствием на пути развития коммун в новых условиях хозяйствования. Новая политика разбудила в крестьянине-коммунаре психологию собственника, ставшей нарицательной в годы «военного коммунизма». В этих условиях в коммунах начались разногласия и ссоры по вопросу уравнительного распределения доходов. Одна часть коммуны требовала учета при распределении доходов их вступительного пая, распределения продуктов по труду, другая часть считала, что отказ от уравнительной системы станет шагом назад от принципов равенства и справедливости. Все это сказалось на внутренней жизни коммун, в которых начались организационные, семейно-бытовые неурядицы, приводившие к ликвидации коллективов.

В 1921 г. в коммуне «Молот» Киренского уезда образовались две конфликтующие стороны, одна из которых требовала выхода из коммуны с целью «выбиться в середняки», другая выступала за сохранение коллектива. Так, одна из коммунарок заявляла на общем собрании: «Ненавижу вашу коммуну. Не надо мне много, пусть у меня будет мало, но я сама как хочу, так и ворочу, мне никто не будет учитывать и определять паек в рот»⁸. Подобные явления были характерны и для других коммун, когда на смену коммунистическим иллюзиям стала приходиться частнособственническая психология [3, с. 221]. Однако в целом эти разногласия говорили о наличии политических, экономических и психологических предпосылок по реорганизации правовой и хозяйственной деятельности сельскохозяйственных коммун.

К середине 1920-х гг. в сельскохозяйственных коммунах Иркутской губернии наметился переход от уравнительного способа распределения материальных благ к распределению по количеству и качеству затраченного труда. Началом перемен стало введение поденной оплаты труда. Так, с ее введением в коммуне «Икинат» Аларского аймака все мужчины от 18 до 50 лет получали поденную оплату по 55 коп. в день, женщины от 18 до 50 лет — по 45 коп., подростки от 16 до 18 лет — по 45 коп. Из этих ставок вычитались средства на общий стол, согласно расходам в столовой. Денежные вознаграждения распространялись и на детей коммунаров, которые помимо бесплатного питания получали по одному рублю в год⁹. Вместе с тем поденная оплата труда не оказывала влияния на повышение производительности труда и экономической эффективности коллективного хозяйства. Для решения отмеченных проблем требовался переход к сдельной оплате труда.

⁸ ГАИО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 174. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 27. Л. 38.

В 1924 г. Наркомзем РСФСР принял постановление «О содействии развитию и укреплению сельскохозяйственных коллективных объединений», в котором указывалось, что «не следует препятствовать переходу с устава коммуны на устав артели и наоборот». В Иркутской губернии первой коммуной, перешедшей на устав сельскохозяйственной артели в 1925 г. стала коммуна им. Егорова Иркутского уезда. На общем собрании было принято решение об отказе от уравниловки и введении принципа материальной заинтересованности. В коммуне «Красное поле» Зиминского уезда, перешедшей на устав сельскохозяйственной артели, гармоничным образом сочетались элементы коммуны и артели, которые позволили создать для членов коллектива приемлемые формы организации труда. Обработка земли в коммуне велась коллективным способом, но члены коллектива вели индивидуальным образом жизни. На руки каждой семье выдавался определенный мертвый и живой инвентарь. Весь семенной фонд после уборки урожая объявлялся общественным. Также коммуна содержала школу, мастерские и другие производственные помещения. По классификации сельскохозяйственных коммун, предложенной исследователями Л.Ю. Анисимовой и М.Д. Северьяновым, коммуну «Красное поле» можно отнести к типу коммун с развитым производством и единоличным бытом [4, с. 86].

Введение сдельной оплаты труда по количеству и качеству вложенного каждым коммунаром оказалось крайне сложным делом. Внедрение оплаты сопровождалось имущественным расслоением внутри коллективов. В отдельных коммунах появились работники с мировоззрением о личном обогащении, что создавало напряженную ситуацию во внутренней жизни. Организация сдельной оплаты труда требовала разработки нормы выработки, учитывающей все сложности имевшихся видов сельскохозяйственных работ. В Иркут-

ской губернии в числе первых «инструкция по оплате и выдаче пособий» была разработана в коммуне «Идеал» Аларского аймака. Внедрение новой организации и оплаты труда сдерживалось отсутствием квалифицированных кадров в уездных земельных отделах, а также учетчиков, столь необходимых в сельскохозяйственных коллективах. Поэтому решение вопросов материальной заинтересованности и сдельной оплаты труда переносилось на период коллективизации.

Сельскохозяйственные коммуны, как и другие коллективные хозяйства, остро нуждались в помощи государства. В период организации и регистрации коммун оказывалась посильная материальная помощь со стороны земельных органов в виде семенного материала, сельскохозяйственного инвентаря, домашних животных, комплектов одежды для коммунаров. Наибольшую нужду сельскохозяйственные коммуны испытывали в кредитовании, которое охватывало, прежде всего, сложившиеся в экономическом отношении хозяйства. Однако выдача кредитов коммунам осуществлялась без всяких планов и ведома Союза колхозов. В результате льготной выдачи кредитов некоторые коммуны были так «закредитованы», что ставило под угрозу сосуществование самих коллективов. В другом случае, в ряде коммун полученные кредиты на сельскохозяйственную технику, строительство использовались не на развитие коллективного хозяйства, а на личные нужды коммунаров. В этом отношении показателен пример коммуны «Родина» Нижнеудинского уезда, где кредитные деньги были распределены между коммунарами на именные продуктовые ссуды [3, с. 221].

Вызванные нэпом различные формы хозяйствования и собственности поставили сельскохозяйственные коммуны в сложное политическое и экономическое положение. Из-за высокой степени обобществления в коммунах фактически прекратилось вступление се-

редняков в коллективы, для бедняцких слоев открывались перспективы личного ведения хозяйства и надежды выбиться в середняки. На внутреннее единство коллективов повлияли неприязненные отношения с местным населением из-за отношения коммунаров к религии. Так, Совет коммуны «Молот» Киренского уезда в мае 1921 г. постановил, «что религия дело каждого, а коммунары не будут молиться»¹⁰. Подобные разногласия между коммунарами и крестьянами-единоличниками возникали и в других коллективах, что способствовало разрастанию внутренних конфликтов и даже распаду коллективных хозяйств.

В силу указанных причин начались процессы ухода крестьян из коммун. К примеру, в акте обследования коммуны «Прогресс» Аларского аймака, произведенного в августе 1924 г., отмечалось, что со времени возникновения коммуны (февраль 1921 г.) ее численность сократилась с 25 до 13 членов. Это объяснялось новой экономической политикой, предоставившей крестьянину возможность развивать индивидуальное хозяйство, а также «внутренними разногласиями и неуживчивостью членов между собой»¹¹. Некоторые коммуны в целях ограничений по выходу из коллективов прибегали к изменению отдельных положений своих уставов. Так, в коммуне «Идеал» был изменен параграф устава о вступительном взносе, который с 25 % стоимости всего внесенного имущества возрос до 100 %. Это решение затрудняло вступление новых членов в коммуну, а также выход из нее. В 1921–1923 гг. в сибирских губерниях проходила перерегистрация коллективных хозяйств с целью установления их подлинной организационной и хозяйственной деятельности. По Иркутской губернии положение после регистрации коллективов выглядело следующим образом: если в 1921 г. насчитывалось 20 коммун, в

¹⁰ ГАИО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 174. Л. 10.

¹¹ Коллективист. 1927. № 2. С. 19–20.

1922 г. уже — 12, а в 1923 г. всего — 6 коммун. Из всех форм коллективных хозяйств наибольшие трудности в переходный период испытали именно сельскохозяйственные коммуны, что существенно отразилось на численности коллективов, их составе и хозяйственной деятельности¹².

К середине 1920-х гг. сельскохозяйственные коммуны выдержали не только серьезный экзамен на жизнеспособность, но и пополнили свои ряды новыми коллективами. Они по-прежнему оставались наиболее распространенной формой коллективных хозяйств. В 1925 г. по всей Сибири насчитывалось 287 коммун (50,9 %), 249 артелей (44,5 %) и 28 ТОЗов (5 %). В Иркутской губернии действовало 13 коммун или 57 % от общего числа коллективных хозяйств [3, с. 121]. Особенностью данного периода является строительство коммун среди бурятского населения, которое всегда тяготело к кочевому животноводству. В 1925 г. на территории Аларского аймака возникло шесть сельскохозяйственных коммун, которые насчитывали 691 едоков. Коллективы располагали 990 дес. пахотной земли. Животноводство насчитывало рабочих лошадей — 179, коров — 281, овец — 927, коз — 379, свиней — 252. Из сельскохозяйственной техники имелось: молотилок — 9, сеялок — 5, плугов — 56, зерноочистительных машин — 14, жнеек — 15, борон — 108, косилок — 21, маслобоек — 1, сепараторов — 21. Наиболее крепкой материальной базой обладала коммуна «Шинэ-Худал», которая наряду с животноводством в большом объеме занималась и полеводством¹³.

Производственная деятельность сельскохозяйственных коммун вызывала необходимость сотрудничества с Тулунской опытной сельскохозяйственной станцией. Ею оказывалась большая помощь коллек-

¹² ГАИО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 563. Л. 61.

¹³ Там же. Д. 21. Л. 49, 72.

тивными хозяйствам в применении новых способов обработки земли: переход от трехполья к многополью, применение в качестве удобрения суперфосфата, боронование озимых, протравливание семян. Применение этих новшеств позволило заметно повысить урожайность с коллективных полей. В октябре 1925 г. в с. Куйтун была организована сельскохозяйственная выставка, на которой демонстрировались достижения местной коммуны «Сила» в полеводстве и животноводстве. Выставка проходила под лозунгами: «Коммуна “Сила” стремится через кормовые травы и корнеплоды повысить производительность животноводства» и «Долой анархию в сельском хозяйстве. Да здравствует многополье»¹⁴.

Другим примером производственных достижений коллективных хозяйств является участие коммуны им. Егорова, как одной из лучших в Иркутской губернии, во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве в 1923 г. За год хозяйственной деятельности коммуны численность ее членов возросла в 2 раза, земельный фонд увеличился в 2 раза. При финансовой помощи Тельминской ткацкой фабрики и личном содействии Ф.Э. Дзержинского коммуна приобрела у американской фирмы «Фордзон» первый в округе трактор [4, с. 218]. Подобные успехи и достижения наглядным образом демонстрировали местному населению преимущества коллективного хозяйствования в сложной экономической ситуации в стране.

Сельскохозяйственные коммуны стали одним из воплощений политико-философских взглядов человеческой мысли от древнегреческого мыслителя Платона до оформившегося в новое время марксистского учения. Идеи справедливого общества, равноправного положения людей, взаимопомощь, пожертвование во имя великих идей находят понимание и поддержку и в современном обществе. Отдельные идеи ком-

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-287. Оп. 2. Д. 34. Л. 198.

мунистической идеологии подтверждаются канонами православия.

Коллективные хозяйства, прежде всего коммуны, революционным способом восполнили ту нишу крестьянской жизни, которая осталась после разрушения многовековой сельской общины. В большинстве случаев организаторами коммун являлись не представители новой власти, а представители самого крестьянства. Подобное уже случалось в годы гражданской войны, когда крестьянство самостоятельно поднималось на борьбу против колчаковского режима. При всем критическом отношении к коммунам, их натуральному хозяйству, организации внутренней жизни, уравнительному распределению материальных благ все же надо признать, что подобная форма хозяйства и жизни людей являлась объективной необходимостью в сложнейшей социально-экономической ситуации на селе. Она спасала тысячи крестьян от беспросветной бедности и голода. По мере налаживания сельскохозяйственного производства, социальной сферы коммуны своей организацией в сельскохозяйственную артель внесли определенный вклад в дальнейшее развитие аграрной отрасли страны. Не ставится вопрос об использовании опыта сельскохозяйственных коммун в современных условиях, хотя опыт коммун как явления переходного периода от одной общественно-экономической модели к другой может вызывать научный интерес.

Список использованной литературы


1. Зыков А.И. Иркутские коммунисты в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана (1921–1925 гг.) / А.И. Зыков. — Иркутск, 1961. — 144 с.
2. Гришаев В.В. Коммунары Сибири / В.В. Гришаев. — Красноярск : Кн. из-во, 1987. — 166 с.
3. Цыкунов Г.А. Крестьянский коммунизм в Сибири / Г.А. Цыкунов. — DOI 10.21285/2415-8739-2018-2-216-222. — EDN XRGCMX // Известия Лаборатории древних технологий. — 2018. — Т. 14, № 2. — С. 216–222.

4. Анисимова А.Ю. Сельскохозяйственные коммуны Приенисейского региона в 20-е годы XX века / А.Ю. Анисимова, М.Д. Северьянов. — DOI 10.18324/2224-1833-2020-1-81-89. — EDN TXYJGU // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2020. — № 1 — С. 81–89.

References

1. Zykov A.I. *Irkutsk Communists in the Struggle to Implement Lenin's Cooperative Plan (1921–1925)*. Irkutsk, 1961. 144 p.
2. Grishaev V. V. *Siberian Kommunars*. Krasnoyarsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987. 166 p.
3. Tsykunov G.A. Peasant Communism in Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 216–222. (In Russian). EDN: XRGCMX. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-216-222.
4. Anisimova L.Yu., Severyanov M.D. Agricultural Communes of the Yenisei Region in the 1920s of the 20th Century. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2020, no. 1, pp. 81–89. (In Russian). EDN: TXYJGU. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-1-81-89.

Информация об авторе

Цыкунов Григорий Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: tsykunovga@gmail.com.  <https://orcid.org/0009-0002-0974-1537>; SPIN-код: 4073-6280; AuthorID РИНЦ: 698694.

Author

Grigory A. Tsykunov — D.Sc. in History, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: tsykunovga@gmail.com.  <https://orcid.org/0009-0002-0974-1537>; SPIN-Code: 4073-6280; AuthorID RSCI: 698694.

Для цитирования

Цыкунов Г.А. Производственная деятельность сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии в 1920-е гг. / Г.А. Цыкунов. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(3).485-

504. — EDN FRBGAN // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 485-504.

For Citation

Tsykunov G.A. Production Activities of Agricultural Communes of the Irkutsk Province in the 1920s. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 3, pp. 485-504. (In Russian). EDN: FRBGAN. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(3).485-504.